Н. А. Гредескулъ

бывшій товарищъ предсѣдателя первой государственной думы.

Терроръ и охрана.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Н. А. Гредескулъ

бывшій товарищъ предсѣдателя первой государственной думы.

Терроръ и охрана.

С.-Петербургъ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяч., 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нижеслѣдующія строки были первоначально напечатаны въ видѣ нѣсколькихъ газетныхъ статей въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (утренняго изданія). Теперь они выпускаются въ свѣтъ отдѣльной брошюрой, съ цѣлью извлечь ихъ изъ вѣчно текущаго потока газетныхъ столбцовъ и, придавъ имъ самостоятельную форму, обратить на нихъ большее общественное вниманіе.

Авторъ этихъ строкъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что пришло время, когда русскому обществу слѣдуетъ твердо установить себѣ вполнѣ опредѣленное отношеніе къ тому явленію, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, т. е. къ политическому террору. И надо это сдѣлать не молча,—не такъ, чтобы это только подразумѣвалось или косвенно откуда-то вытекало, а прямо, открыто: надо продумать свои мысли по этому предмету до конца и высказать ихъ громко, во всеуслышаніе.

Правда, подъ вліяніемъ всего пережитого, въ

настоящее время въ русскомъ обществѣ самъ собой совершается коренной переломъ въ отношенiи къ политическому террору: это отношенiе все болѣе и все шире становится отрицательнымъ.

Изъ этого нѣкоторые дѣлаютъ выводъ, что не стоитъ теперь и разговаривать о террорѣ; что незачѣмъ попусту тратить слова и аргументы противъ того, что и такъ, само собой умираетъ.

Но мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Нельзя намъ разстаться съ политическимъ терроромъ, просто отвернувшись отъ него въ сторону и дѣлая видъ, что мы игнорируемъ его бывшее существованiе. Слишкомъ много мѣста занялъ онъ въ нашей русской исторiи; слишкомъ много было въ него затрачено и русскаго ума, и русскаго сердца. Слишкомъ велико, наконецъ, то, часто незримое и даже неуловимое влiянiе, которое излучается отъ него въ наше настоящее и будущее, благодаря одному тому, что онъ былъ въ нашемъ прошломъ.

Его надо *сознательно* устранить изъ русской жизни. Это надо сдѣлать ради большей успѣшности нашей дальнѣйшей борьбы за правильное политическое развитiе нашей родины.

Тотъ, кто хочетъ съ успѣхомъ бороться за *истину*, долженъ прежде всего тщательно отстранить отъ нея всѣ откуда-либо приставшiя къ ней *заблужденiя*.

Точно также тотъ, кто хочетъ съ успѣхомъ

отстаивать конституціонное устройство и конституціонное теченіе жизни страны, долженъ тщательно очистить свою борьбу за нихъ отъ всякой примѣси элементовъ политическаго террора. Послѣдній такъ же несогласимъ съ конституціей, какъ истина несогласима съ заблужденіемъ.

И пусть намъ не возражаютъ здѣсь по этому поводу, что въ Россіи еще нѣтъ конституціи: да, ея еще нѣтъ,—но ея никогда и не будетъ, если въ нѣдрахъ нашей политической жизни будетъ вѣчно гнѣздиться терроръ со своимъ близнецомъ—охраной. Отъ элементовъ террора надо очистить самую борьбу за конституцію, только тогда она и станетъ болѣе успѣшной, ибо для реакціи гораздо легче отрицать терроръ, чѣмъ отрицать конституцію. Совершенно правильную мысль о томъ, что терроръ подрываетъ самыя основы конституціонной жизни, надо изъять изъ монопольнаго распоряженія реакціи, оправдывающей ею устройство охранныхъ отдѣленій и практику исключительныхъ и военныхъ положеній, и надо ее сдѣлать убѣжденіемъ самого общества, побуждающимъ его безповоротно выбросить изъ своего политическаго міросозерцанія всякую идею о террорѣ.

Устраненіе изъ русской жизни террора—во имя конституціи: это и есть тотъ политическій выводъ, который, по нашему глубокому убѣжденію, долженъ быть у насъ теперь открыто высказанъ и открыто защищаемъ.

Иначе мы, даже и при фактическомъ прекра-

щенія террора, все еще будемъ продолжать жить подъ соединеннымъ попечительнымъ знакомъ террора и охраны.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ pro domo sua.

На заглавномъ листѣ этой брошюры, я присоединилъ къ своей фамиліи то званіе, которое принадлежало мнѣ въ первой государственной думѣ. Конечно, это сдѣлано мною не для того, чтобы выставить это званіе на показъ, хотя я и дорожу имъ больше всего и почетнѣе его ничего для себя не представляю. Нѣтъ,—это сдѣлано мною единственно въ связи съ той темой, которой посвящена настоящая брошюра. Я хочу сказать, что затрагивая тотъ предметъ, который я здѣсь затронулъ, и высказывая тѣ мысли, которыя мною здѣсь высказаны, я свое право на это и—прибавлю—также и свою обязанность къ этому черпалъ изъ мысли, что думать о благѣ Россіи, какъ государства, какъ страны, какъ народа, и громко высказывать свои мысли объ этомъ меня нѣкогда уполномочили избиратели въ первую думу, а моимъ товарищамъ по первой думѣ, и притомъ по иниціативѣ болѣе лѣвой ея части, угодно было тогда подтвердить свое довѣріе къ мнѣ избраніемъ меня въ составъ президіума.

Я выпускаю эту брошюру не какъ публицистъ. Я думаю, что я имѣю право,—и мнѣ кажется, что я также и обязанъ,—сдѣлать это, какъ бывшій товарищъ предсѣдателя первой государственной думы. Это не значитъ, что мое мнѣніе вслѣдствіе

этого перестаетъ быть вполнѣ индивидуальнымъ,— нѣтъ только такимъ оно здѣсь и остается, но этимъ указывается тотъ психологическій, моральный и политическій источникъ, изъ котораго проистекла моя рѣшимость громко говорить о предметѣ, который до самой глубины затрагиваетъ русскую политическую совѣсть.

Это—не публицистика, это—политическое заявленіе.

Терроръ и охрана.

I.

Политическій терроръ.

Пришло время, когда Россія можетъ и должна взглянуть прямо въ лицо одному изъ самыхъ печальныхъ явленій своей жизни, — политическому террору.

Политическій терроръ народился у насъ въ ту эпоху, когда абсолютизмъ, фактически еще всецѣло владѣвшій нашей государственной жизнью, почуялъ, что общественное сознаніе начинаетъ отъ него отворачиваться и сталъ преслѣдовать уже не одни лишь прямыя посягательства противъ себя, но и самыя проявленія указаннаго выше сознанія. Правильное и нормальное развитіе и движеніе политическихъ идей сдѣлалось, благодаря этому, въ Россіи невозможнымъ. Политическій абсолютизмъ былъ канонизированъ, былъ превращенъ въ непреложный догматъ оффиціальной политической вѣры, и колебаніе его, хотя бы и чисто идейное, не допускалось нигдѣ: не только въ прессѣ или въ общественныхъ собраніяхъ, но даже

на университетскихъ каѳедрахъ и въ ученыхъ трактатахъ.

Былъ, такимъ образомъ, загражденъ—и загражденъ самыми рѣшительными мѣрами — идейный ростъ Россіи въ ту сторону, куда развивались всѣ остальные европейскіе народы. Достигнутое этими народами политическое состояніе было объявлено для насъ запретнымъ и навѣки недоступнымъ. Иными словами, Россія обрекалась почти-что на идейное удушеніе, ибо не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, застыть на той политической формѣ, которая уже пережила себя въ исторіи западно-европейской,—да несомнѣнно пережила себя къ этому времени уже и въ нашей русской исторіи.

Что было дѣлать русскому обществу при такихъ условіяхъ? Какъ прорывать плотину, передъ нимъ неумолимо воздвигнутую,—какъ двигать впередъ идейное развитіе своей страны и народа?

Одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ совершенно ясенъ: какъ ни трудно было созданное безжалостными преслѣдованіями за идею положеніе, надо было все-таки бороться съ нимъ силою самой идеи. Надо было бороться такъ, какъ боролись за свои идеи всѣ религіозные проповѣдники, какъ боролся за свое ученіе Левъ Толстой. Надо было всѣми возможными средствами проповѣдывать, распространять идею,—и принимать на себя всѣ тѣ послѣдствія, которыя выдвигалъ противъ идеи господствовавшій абсолютизмъ.

Въ сущности, такъ именно и дѣйствовала огром

ная часть русской интеллигенціи на протяженіи цѣлаго столѣтія (начиная съ конца XVIII и до начала XX вѣка), въ теченіе котораго совершилась у насъ *идейная* подготовка перехода къ представительному образу правленія. Имена—Новикова, Радищева, Бѣлинскаго, Герцена, Чернышевскаго, Салтыкова-Щедрина—суть имена вождей русскаго общества, которые умѣли находить возможность проповѣдывать свои идеи даже при современныхъ имъ русскихъ условіяхъ и которые никогда не боялись принимать на себя всѣ послѣдствія этой проповѣди.

Но нѣкоторая часть русской интеллигенціи съ средины семидесятыхъ годовъ избрала иной путь для борьбы съ абсолютизмомъ. Она рѣшила вести эту борьбу съ своей стороны путемъ насилія и устрашенія. И такъ какъ въ ея рукахъ физической силы было мало, то она рѣшила пустить въ ходъ эту силу въ формѣ тайнаго заговора противъ жизни тѣхъ, кто были носителями абсолютизма, или его ближайшими слугами и защитниками.

Это было роковое рѣшеніе въ русской исторіи, и оно на многіе десятки лѣтъ сдѣлало русскую политическую жизнь безконечно ненормальной.

По справедливости,—и даже больше того: прямо въ смыслѣ покаянія,—слѣдуетъ сказать, что выдвинутый указанной частью русской интеллигенціи на арену борьбы съ абсолютизмомъ политическій терроръ пользовался, если не активнымъ, то пассивнымъ сочувствіемъ значительно болѣе широкихъ

слоевъ русскаго общества, чѣмъ тѣ, какія принимали въ немъ непосредственное участіе. Это объясняется тѣмъ, что политическій терроръ представлялся тогда русскому обществу исключительно съ *двухъ* сторонъ: во-первыхъ, съ той стороны, что онъ былъ способомъ борьбы съ абсолютизмомъ; во-вторыхъ, съ той стороны, что онъ былъ самопожертвованіемъ въ лицѣ тѣхъ, кто на него рѣшался. Къ другимъ сторонамъ политическаго террора, какъ «сочувствовавшіе» ему, такъ и принимавшіе въ немъ непосредственное участіе были слѣпы и глухи, и эта слѣпота и глухота были столь основательны, что ихъ нельзя иначе характеризовать, какъ своего рода нравственнымъ и политическимъ дальтонизмомъ.

А между тѣмъ, эти другія, оборотныя, стороны у политическаго террора есть, и онѣ составляютъ его неотъемлемую, роковую принадлежность.

Этихъ оборотныхъ сторонъ у террора также *двѣ*: нравственная и политическая.

Что касается нравственной стороны политическаго террора, то это, во-первыхъ, убійство, а во-вторыхъ—*предательское* убійство,—убійство изъ-за угла, втайнѣ приготовленное и предательски осуществленное.

Правда, та нравственная истина, что человѣческая жизнь священна, что *никто* и *никогда* не долженъ на нее посягать, къ сожалѣнію, еще не вошла прочно въ общественное и политическое сознаніе людей. Практическимъ отрицаніемъ ея яв-

ляются и войны, и внутреннія междоусобія, и смертныя казни, и дуэли. Въ этомъ отношеніи политическій терроръ становится только въ рядъ другихъ печальныхъ явленій человѣческой жизни. Но что убійство, какъ и вообще посягательство на другого человѣка, не должно быть *предательскимъ*, это въ достаточной мѣрѣ вошло въ самое широкое сознаніе современнаго цивилизованнаго человѣчества. Именно этотъ признакъ насилія и преступленія дѣлаетъ его въ нашихъ глазахъ не просто противорѣчащимъ нравственной заповѣди, а нравственно *отталкивающимъ*, нравственно *презрѣннымъ*. Мы считаемъ, что мы, люди европейской культуры, люди цивилизованные, тѣмъ и отличаемся отъ варваровъ и дикарей, что у насъ уже безповоротно осуждены низкое предательство, тайный заговоръ, подготовленное въ темнотѣ и подпольѣ убійство. Наше нравственное сознаніе отворачивается отъ такихъ способовъ борьбы, оно ихъ не терпитъ и не выноситъ, оно ихъ презираетъ.

Оборотная *политическая* сторона террора заключается въ томъ, что онъ хочетъ распоряжаться политической жизнью народовъ безъ ихъ участія. Онъ хочетъ дѣйствовать *за* народъ и притомъ посредствомъ насилія и устрашенія. Вмѣсто того, чтобы воздѣйствовать на народъ, — воздѣйствовать проповѣдью и распространеніемъ политической идеи съ цѣлью сдѣлать само населеніе носителемъ, представителемъ и защитникомъ этой идеи, — терроръ отворачивается отъ народа, оставляетъ его въ сто-

ронѣ и хочетъ воздѣйствовать только на одну власть. И какъ воздѣйствовать? — тоже не идей, а револьверомъ и бомбой.

Онъ приставляетъ дуло револьвера къ головѣ агентовъ власти и требуетъ отъ нихъ повиновенія своему ультиматуму. Правда, онъ не говоритъ при этомъ: кошелекъ, или жизнь,—а беретъ на себя смѣлость формулировать свое требованіе такъ: счастье народа, или жизнь, но, по существу, онъ все же остается разбоемъ въ политикѣ. А разбой въ политикѣ едва ли даже не хуже разбоя въ частной жизни.

Надо предоставить самому народу сознать, формулировать и отстаивать свое счастье, или то, что онъ считаетъ таковымъ. Иначе, кто бы и какъ бы ни навязывалъ народу его счастье, это будетъ только политическимъ деспотизмомъ, не больше.

Подобно тому, какъ мы гордимся тѣмъ, что изъ нашей общественной и политической жизни устранено предательство, такъ мы гордимся и тѣмъ, что въ нашей политической жизни дано мѣсто самодѣятельности народа. Народъ для современнаго политическаго сознанія—уже не простой объектъ управленія и попеченія, а настоящій, полноправный субъектъ, какимъ дѣлается человѣкъ и въ своей частной жизни, когда онъ достигаетъ совершеннолѣтія. Современное политическое сознаніе требуетъ реформы черезъ вліяніе самого населенія, а не черезъ заговорщиковъ въ маскахъ и съ револьверами или бомбами въ рукахъ. И только реформу, достигнутую

такимъ путемъ, современное политическое сознаніе считаетъ, съ одной стороны, нужной, съ другой стороны—прочной.

Съ этой точки зрѣнія политическій терроръ есть не болѣе, какъ атавизмъ,—возвращеніе къ методамъ политическаго дѣйствія, давно уже вышедшимъ изъ употребленія и давно осужденнымъ исторіей.

Съ этой точки зрѣнія, напрасно террористы называютъ себя даже *революціонерами*. Нѣтъ, они не революціонеры, а только заговорщики, ибо сама революція,—и именно она больше, чѣмъ что бы то ни было другое—бываетъ только дѣломъ цѣлаго народа.

Такимъ образомъ, политическій терроръ, занявшій такое большое мѣсто въ нашей русской жизни въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, былъ конечно,—не слѣдуетъ этого у него отнимать,—борьбой съ абсолютизмомъ и самопожертвованіемъ со стороны тѣхъ, кто въ немъ участвовалъ. Но онъ былъ борьбой и самопожертвованіемъ, вложенными въ *отрицательную* нравственную и политическую форму,—въ форму *нравственнаго предательства и политическаго своеволія.*

Русское общество этого долго не видѣло, потому что оно страдало нравственнымъ и политическимъ дальтонизмомъ. И, можетъ быть, даже вину за этотъ дальтонизмъ надо возложить не на него, а на тотъ режимъ, который дѣлалъ невозможной правильную циркуляцію политическихъ и соціальныхъ идей въ Россіи.

Но зато теперь мы это уже видимъ. Глаза русскаго общества нравственно и политически раскрылись. Мы видимъ, что терроръ былъ большимъ несчастіемъ для Россіи. Событія намъ показали, что къ террору прибѣгать не слѣдовало. И даже больше того: намъ теперь ясно, что отрицательная нравственная и политическая природа террора намъ за себя въ послѣдующихъ событіяхъ жестоко отомстила. Введенный въ нашу русскую жизнь политическимъ терроромъ ядъ нравственнаго предательства и политическаго своеволія произвелъ въ ней столько пагубныхъ послѣдствій и разросся до такихъ размѣровъ и формъ, что мы теперь не знаемъ, что намъ съ ними дѣлать. Мы видимъ теперь, что эта язва нравственнаго предательства и политическаго своеволія стоитъ главнымъ препятствіемъ на пути къ нашему дальнѣйшему нормальному политическому развитію, и мы недоумѣваемъ, какъ удалить ее изъ нашего организма достаточно полно, со всѣми ея корнями.

Думается, что и здѣсь главная роль должна принадлежать прежде всего самому общественному сознанію. Думается, что вырѣзаніе язвы должно быть сдѣлано, и притомъ со всею рѣшительностью и безъ остатка, прежде всего въ общественномъ мнѣніи. Раньше всякая попытка въ этомъ направленіи была бы, можетъ быть, безуспѣшна. Но теперь—времена совершились: сдѣлалось явнымъ и очевиднымъ то, что раньше было скрыто и чего не только не подозрѣвали, но даже и не допускали.

Надо во всемъ этомъ разобраться; надо дать

себѣ ясный и точный отчетъ въ томъ, къ чему привелъ политическій терроръ въ русской жизни только послѣ этого можно будетъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, почему съ нимъ надо рѣшительно покончить въ нашемъ дальнѣйшемъ политическомъ развитіи.

II.

Политическій терроръ и реакція.

Политическій терроръ былъ способомъ борьбы съ абсолютизмомъ, но это былъ способъ борьбы, съ нравственной стороны хотя и самоотверженный, но все же предательскій, а съ политической стороны, хотя и имѣвшій въ виду „счастіе“ народа, но все же—насильническій. Онъ хотѣлъ личной угрозой жизни и безопасности носителей власти заставить ихъ перемѣнить политическую систему.

Къ чему же это привело? Къ тому, что существовавшая политическая система не только не была измѣнена, но, наоборотъ, усилена и доведена до той крайней степени, когда она получаетъ характеръ самой неумолимой и самой жестокой реакціи.

Можно ли думать, что если бы не было у насъ террора, то не было бы и реакціи, наступившей въ царствованіе императора Александра III?

Трудно отвѣчать на такіе вопросы, и, по справедливости, скорѣе надо думать, что реакція всетаки была бы, ибо она началась уже и при императорѣ Александрѣ II, нося характеръ общаго противодѣйствія тому, что было внесено въ нашу

жизнь „великими реформами“ шестидесятыхъ годовъ и что логически требовало себѣ завершенія въ видѣ „увѣнчанія“ зданія, на которое никакъ не рѣшался абсолютизмъ.

Но если реакціи требовалось внѣшнее оправданіе для своего существованія и усиленія, то, конечно, она ни въ чемъ не могла найти его лучше, чѣмъ въ фактѣ политическаго террора.

Припомнимъ главный фактъ, сюда относящійся: событіе 1 марта.

1 марта 1881 года политическій терроръ достигъ своего апогея.

Это была *физическая* побѣда террора,—побѣда, одержанная кучкой террористовъ надъ цѣлымъ государственнымъ механизмомъ, поскольку онъ хотѣлъ сохранить жизнь императора отъ направленныхъ противъ нея покушеній.

Но была ли эта физическая побѣда террора надъ тѣми, противъ кого онъ выступалъ, также и *моральной* его побѣдой?

А это очень и очень скоро обнаружилось, и притомъ, несомнѣнно, въ отрицательномъ для террора смыслѣ.

Послѣ смерти императора Александра II на престолъ вступилъ сынъ его, императоръ Александръ III.

Къ сыну было тотчасъ обращено слово тѣхъ, кто были убійцами его отца.

Въ этомъ словѣ (извѣстное письмо исполнительнаго комитета къ императору Александру III,

авторъ котораго нынѣ извѣстенъ) очень мягко и даже съ соблюденіемъ внѣшняго декорума почтительности, сыну грозили той же бомбой, какой былъ убитъ его отецъ, если онъ не перемѣнитъ политической системы.

Что сдѣлалъ новый императоръ? Онъ отвѣтилъ на эту угрозу извѣстнымъ манифестомъ отъ 29-го апрѣля 1881 года, въ которомъ твердо и ясно было заявлено, что прежняя политическая система и впредь останется неприкосновенной.

И надо же быть справедливыми: можно относиться къ манифесту 29 апрѣля, какъ угодно. Можно считать его политической ошибкой съ точки зрѣнія блага Россіи, ради котораго требовалось открыть, наконецъ, Россіи столь необходимую ей возможность свободнаго политическаго развитія.

Но одного нельзя отрицать: если есть для манифеста 29 апрѣля историческое оправданіе, то оно заключается въ томъ, что онъ былъ изданъ тогда, когда уже убившіе предшествующаго императора террористы стояли вокругъ его преемника съ бомбами въ рукахъ и требовали отъ него, подъ угрозой смерти, какъ разъ обратнаго. Это единственная точка зрѣнія, съ которой не приходится возражать противъ манифеста 29 апрѣля, ибо мотивъ устрашенія, для мужественныхъ и убѣжденныхъ людей, никогда и не долженъ быть рѣшающимъ въ ихъ политической дѣятельности. Поскольку императоръ Александръ III не поддался страху передъ грозившимъ ему терроромъ, онъ былъ

совершенно правъ. Это признаетъ всякій, кто самъ имѣетъ мужество и тѣ или иныя политическія убѣжденія.

Такимъ образомъ, то оружіе, которое находилось въ рукахъ у террора и которымъ онъ хотѣлъ политически дѣйствовать,—*устрашеніе* сломилось о мужество и рѣшимость того, противъ кого оно было направлено. Только что одержавъ *физическую* побѣду надъ властью, политическій терроръ тотчасъ же потерпѣлъ рѣшительное *нравственное* пораженіе. Мотивъ устрашенія оказался безполезнымъ въ политическомъ смыслѣ и не достигъ той политической цѣли, какую онъ себѣ поставилъ.

Но развѣ это моральное пораженіе было нанесено террору только однимъ императоромъ Александромъ III?

Нѣтъ,—то же самое надо сказать и о цѣломъ рядѣ министровъ, которые смѣняли другъ друга, становясь на тѣ мѣста, которыя находились подъ этимъ ужаснымъ обстрѣломъ бомбами, бросаемыми изъ-за угла. Опять-таки, можно какъ угодно относиться къ дѣятельности Боголѣпова, Сипягина, Плеве и другихъ, но, во всякомъ случаѣ, надо признать, что мотивъ устрашенія на нихъ не дѣйствовалъ. Они такъ же презирали его, какъ и сами террористы презирали то устрашеніе, которое шло противъ нихъ со стороны правительства.

И съ этой же самой точки зрѣнія надо признать безукоризненнымъ и поведеніе того министра, который сталъ послѣднимъ въ ряду жертвъ полити-

ческаго террора. П. А. Столыпинъ случайно остался невредимымъ во время взрыва на Аптекарскомъ островѣ. И съ тѣхъ поръ угроза насильственной смертью висѣла надъ нимъ непрерывно. Онъ имѣлъ всѣ основанія ожидать себѣ именно такого конца. Однако, и самый злой политическій врагъ П. А. Столыпина не станетъ отрицать за нимъ огромнаго личнаго мужества—того мужества, которое устраняетъ изъ поля своего сознанія всѣ мотивы страха и боязни, поскольку онѣ могли бы вліять на политическую дѣятельность даннаго лица.

Факты показываютъ, что терроръ *не устрашалъ*, т. е. не производилъ того главнаго дѣйствія, на которое онъ разсчитывалъ. И въ то же время они показываютъ, что онъ все время усиливалъ и обострялъ реакцію. Политическій его итогъ въ этомъ отношеніи—безусловно отрицательный.

III.

Терроръ и охрана.

Терроръ не устрашилъ. Власть передъ нимъ не капитулировала. Она вступила съ нимъ въ борьбу. Она выставила противъ него охрану.

Спрашивается: въ какія формы *должна была* вылиться эта охрана?

Въ настоящее время мы воочію видимъ, въ какія формы она вылилась въ дѣйствительности, и мы всѣ въ ужасѣ отъ того, что передъ нами раскрылось по этой части за послѣдніе 2—3 года. То, что раскрылось, сперва получило названіе азефовщины и защитники охраны, вродѣ г. Замысловскаго, готовы были считать эту азефовщину почти-что козыремъ въ своихъ рукахъ. Но затѣмъ оказалось, что азефовщина, это—только *одно* изъ названій для того, что, на самомъ дѣлѣ, происходитъ подъ покровомъ охраны; *другое* названіе тому же самому—богровщина, И когда эта азефовщина богровщина предстала передъ Россіей во всей своей, уже ничѣмъ не прикрытой и ничѣмъ не замаскированной, наготѣ, тогда стало страшно и тѣмъ, кого азефовщина еще не успѣла испугать...

Да, мы теперь воочію созерцаемъ тотъ для всѣхъ очевидный фактъ, что охрана послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своего дѣйствія превратилась въ азефовщину-богровщину...

Но я умышленно спрашивалъ выше не о томъ, въ какія формы вылилась охрана противъ террора, а о томъ, въ какія формы она *должна была* вылиться. Ибо есть всѣ основанія думать, что то, что произошло, произошло не случайно, не въ силу одного желанія тѣхъ или другихъ злонамѣренныхъ лицъ, а произошло съ силою неизбѣжности, съ неустранимостью наступленія слѣдствія, разъ дана его причина.

Съ этой стороны еще не смотрятъ, а можетъ быть, даже и не хотятъ смотрѣть, на связь между терроромъ и охраной. Между тѣмъ, она въ этомъ смыслѣ существуетъ, и она представляетъ собою *самое важное* во всемъ этомъ вопросѣ о террорѣ и охранѣ. Разъ сказано А,—придется сказать и Z. И разъ начато съ политическаго террора,—придется кончить той нераздѣльной амальгамой террора и охраны, которая именуется азефовщиной-богровщиной.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое терроръ? Вѣдь, это—систематическая организація тайнаго, предательскаго нападенія на такую хрупкую вещь, какъ человѣческая жизнь. Это—организація, въ которой участвуетъ много лицъ, работающихъ для своей цѣли во тьмѣ и подпольѣ. Это—организація, сохраняющаяся и продолжающая дѣйствовать непрерывно изъ года въ годъ. Наконецъ, это—организація, состоящая изъ

людей, фанатически преданныхъ своей идеѣ, презирающихъ смерть и работающихъ въ томъ напряженіи нравственнаго сознанія, которое способно довести почти-что до нравственнаго помѣшательства.

Какъ можно противостоять могуществу такой организаціи, когда она одновременно дѣйствуетъ и честью и безчестьемъ, и низкимъ предательствомъ и самымъ фанатическимъ героизмомъ, и темнымъ выслѣживаніемъ жертвы и открытымъ на нее нападеніемъ?

Дѣйствовать противъ нея только честными и открытыми способами—это значило бы обрекать защиту отъ нея на вѣрную неудачу. Подобно тому, какъ противъ мины ведутъ подъ землей контръмину,—такъ противъ систематическаго тайнаго заговора дѣлается необходимымъ такой же систематическій тайный контръ-заговоръ; противъ многолюдной подпольной организаціи, съ одной стороны, становится необходимой такая же многолюдная подпольная организація—съ другой.

Но представьте себѣ, что такія тайныя организаціи—террористовъ и охранниковъ—уже образовались и дѣйствуютъ другъ противъ друга съ тѣмъ чрезвычайнымъ напряженіемъ, какое вызывается силою и фанатичностью нападенія, съ одной стороны, и отвѣтственностью защиты—съ другой. Могутъ-ли эти организаціи остаться въ предѣлахъ рыцарскихъ пріемовъ борьбы другъ съ другомъ? Могутъ ли онѣ прежде всего не пользоваться услугами предателей съ той и другой стороны, если бы

они сами собой давались имъ въ руки?! Конечно, не могутъ, ибо всякій перебѣжчикъ и предатель съ противной стороны есть настоящій кладъ для этой ужасной борьбы, въ которой принципіально дѣйствуетъ правило, что цѣль оправдываетъ средства. Но если здѣсь принимаются съ распростертыми объятіями перебѣжчики и предатели, являющіеся сами собой, то почему такихъ предателей не посылать въ непріятельскій лагерь умышленно, почему не содержать тамъ постоянныхъ тайныхъ агентовъ, которые работали бы для противной стороны? Это, конечно, также принципіально допускается обѣими сторонами, и каждая изъ нихъ стремится имѣть своихъ вѣрныхъ слугъ въ противномъ лагерѣ, чтобы знать планы противника и успѣшно имъ противодѣйствовать. Террористы всегда имѣли и всегда готовы были имѣть своихъ агентовъ въ средѣ охраны, а охрана всегда стремилась имѣть такихъ же агентовъ въ средѣ террора, и этотъ фактъ обѣ стороны считали вполнѣ нормальнымъ и нисколько не предосудительнымъ въ своей взаимной борьбѣ.

Но если такъ, то представьте же себѣ этихъ тайныхъ агентовъ въ томъ и другомъ лагерѣ: можно-ли имъ остаться тамъ въ роли простыхъ зрителей, не неизбѣжно-ли имъ принимать активное участіе въ той дѣятельности, какая тамъ происходитъ? И не придется-ли имъ дѣлать видъ, что они принимаютъ въ этой дѣятельности участіе фактическое и добросовѣстное, а не искусственное только и фиктивное? Но если разъ стать на эту дорогу, то

гдѣ же граница этому и на чемъ можно здѣсь остановиться даже по одному тому соображенію, чтобы не выдать себя?

Такой границы здѣсь нѣтъ,—и она неожиданно можетъ оказаться только либо въ самоубійствѣ, когда положеніе предателя дѣлается совершенно безвыходнымъ, либо въ такомъ убійствѣ, какъ убійство Столыпина, когда весь запутавшійся узелъ предательства надо разрубить сразу мечемъ, какъ Гордіевъ узелъ.

Однако, въ предыдущемъ мы предполагали предателей, такъ сказать, перваго порядка, т. е. такихъ, которые приходятъ въ одинъ лагерь, чтобы работать тамъ для другого. А, вѣдь, въ этой взаимной борьбѣ, которая вся ведется во тьмѣ и которая можетъ „освѣщаться“ только этимъ взаимнымъ предательствомъ, послѣднее необходимо должно возводиться въ квадратъ, въ кубъ и т. д. Психологическая почва для этого возведенія въ n-ую степень взаимнаго предательства имѣется въ достаточномъ изобиліи на каждой сторонѣ.

Въ самомъ дѣлѣ психологія террора, это—психологія нравственнаго перенапряженія и величайшаго азарта. Террористы, это — люди, подчинившіе себя исключительно одной цѣли. Это—люди, живущіе въ совершенно ненормальной нравственной атмосферѣ, люди, совершающіе прямое насиліе надъ своимъ нравственнымъ существомъ. Эти люди, даже если они искренни, не могутъ не потерять чутья къ нравственной дѣйствительности. Со своимъ нравствен-

нымъ перенапряженіемъ и со своимъ боевымъ азартомъ, они — готовая почва для того, чтобы какой-нибудь негодяй, въ родѣ Азефа, взялъ ихъ къ себѣ въ карманъ и дѣлалъ съ ними все, что ему угодно, во имя якобы конечной цѣли террора.

Что касается психологіи охраны, то здѣсь имѣется перенапряженіе иного сорта: перенапряженіе утробное, погоня за наживой и карьерой. Охрана ищетъ соприкосновенія съ терроромъ, прямой связи съ нимъ посредствомъ предательства, не только ради „освѣщенія" того, что затѣваетъ терроръ, но и ради прямой провокаціи, ради созданія искусственныхъ террористическихъ актовъ, потому что именно на нихъ-то и создаются чисто сказочныя, феерическія карьеры для чиновъ охраны. И очевидно, тяга въ эту сторону въ охранѣ постоянно возрастала, потому что, судя по послѣднимъ происшествіямъ — убійство полковника Карпова, убійство П. А. Столыпина и проч.,— охрана теперь переполнена дѣятелями подобнаго рода.

Итакъ, что же вышло изъ террора въ его сочетаніи съ охраной,—вышло, какъ мы думаемъ, вовсе не случайно, а совершенно фатально и неизбѣжно?

Вышло то, что въ русской жизни образовались двѣ большія организаціи, изъ которыхъ каждая, подъ внѣшнимъ покровомъ своей верховной цѣли, считаетъ для себя дозволеннымъ рѣшительно все, что считается предосудительнымъ съ нравственной и общественной точекъ зрѣнія. Вышло то, что эти двѣ организаціи переполнились и переплелись другъ

съ другомъ невѣроятнымъ взаимнымъ предательствомъ. Вышло то, что въ этомъ клубкѣ низкаго взаимнаго предательства не разобрать уже ни началъ, ни концовъ.

Вышло то, что въ живомъ организмѣ русскаго государства сказалась огромная внутренняя язва, заражающая своимъ гноемъ всю нашу политическую жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ тѣсно вросшая въ ткани нашего государственнаго организма, что мы теперь рѣшительно недоумѣваемъ, какъ намъ отъ нея избавиться, не повредивъ живыхъ и необходимыхъ частей этого организма...

IV.

Ни террора, ни охраны.

Какъ же быть съ терроромъ и охраной? Какъ устранить изъ русской жизни эту давнюю, злокачественную гангрену, которая заражаетъ собою весь нашъ политическій организмъ?

Вопросъ этотъ надо было бы считать безнадежнымъ, если бы мы все еще оставались въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, какія у насъ существовали до 1904—1905 годовъ.

Абсолютизмъ не сдавался на устрашеніе и продолжалъ сдавливать желѣзными тисками русскую жизнь, не давая выхода ни ея свободной мысли, ни ея свободной дѣятельности,—но и терроръ продолжалъ свою подпольную атаку на носителей власти, также не устрашаясь ни смертными казнями, ни ссылками.

И такъ это продолжалось въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. Мы жили въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго не было намъ выхода въ сторону нормальной политической жизни.

Но пришло время, когда этотъ заколдованный кругъ былъ прорванъ, когда былъ найденъ и про-

ложенъ путь къ давно желанной и необходимой для Россіи нормальной политической жизни.

Надо-ли прибавлять, что это произошло въ событіяхъ 1905—1906 гг.? Надо-ли увѣрять, что это нашло свое выраженіе въ манифестѣ 17-го октября 1905 года?

Послѣ событій 1905—1906 гг. Россія безконечно перемѣнилась: она уже совсѣмъ не та, что была раньше. Ея населеніе политически выросло; политическое сознаніе народныхъ массъ передвинулось въ ней отъ абсолютизма къ представительному образу правленія. На мѣсто заговора и конспираціи въ 1905—1906 гг. стало широкое, всенародное политическое движеніе. Правда, потомъ оно замѣнилось реакціей, но эта реакція уже не могла вернуть жизнь страны къ тѣмъ условіямъ, которыя въ ней господствовали до японской войны. Усилены были репрессіи, но нельзя было устранить самого общественнаго процесса. Онъ неудержимо продолжается, и самымъ своимъ существованіемъ отрицаетъ методы заговора и террора. Мы на опытѣ убѣдились, что внѣ широкой и—непремѣнно—о т к р ы т о й, закономѣрной политической борьбы нѣтъ прочнаго и широкаго политическаго прогресса. Въ опытѣ пережитого мы ощутили инерцію и сопротивленіе дѣйствительнаго политическаго процесса,—мы поэтому уже не склонны фантазировать и обольщаться,—но мы ощутили и неудержимую силу этого процесса, и потому пріобрѣли спокойствіе и увѣренность въ его неизбѣжномъ поступательномъ ходѣ.

Такъ подъ вліяніемъ великихъ историческихъ событій перемѣнилась вся наша общественная психологія, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилось и отношеніе общества къ политическому террору. Я бы сказалъ, что общество стало къ террору гораздо равнодушнѣе; оно уже не связываетъ съ нимъ ни преувеличенныхъ надеждъ, ни преувеличенныхъ опасеній. Террористическій актъ пріобрѣлъ въ глазахъ общества характеръ простого происшествія, экстраординарнаго случая, который ничего не прибавляетъ и ничего не убавляетъ въ той политической борьбѣ, какая ведется въ странѣ реальными политическими силами. Въ ходѣ этой борьбы всякія террористическія покушенія представляются даже скорѣе, какъ неумѣстное вмѣшательство со стороны,— вмѣшательство, которое только запутываетъ событія и сбиваетъ ихъ съ толку.

Политическій терроръ потерялъ подъ собою психологическую почву, онъ сталъ никому не нуженъ Онъ замѣненъ совершенно другими, конституціонными способами политической борьбы, и это есть противоядіе противъ него, гораздо лучшее, чѣмъ всѣ репрессіи, вмѣстѣ взятыя. У насъ еще нѣтъ ни прочно обезпеченныхъ свободъ, ни вполнѣ авторитетнаго народнаго представительства,—словомъ, у насъ еще нѣтъ настоящей, европейской конституціи. Но достаточно было того, что народъ пожилъ нѣкоторое время свободной политической жизнью, что онъ ее *попробовалъ*; достаточно того, что онъ получалъ возможность, хотя и въ нашихъ нынѣшнихъ жалкихъ

политическихъ условіяхъ, однако, все же бороться открыто за лучшее будущее, чтобы онъ понялъ, и понялъ безповоротно, что политическій терроръ— это дѣтская игрушка въ настоящей, всенародной политической борьбѣ; игрушка злая, жестокая, безнравственная, но все же не болѣе, какъ игрушка, передъ тѣми задачами, какія связаны съ политической борьбой.

И мы глубоко убѣждены въ томъ, что политическій терроръ въ Россіи убитъ — нравственно и политически,—убитъ всѣмъ тѣмъ, что мы пережили послѣ японской войны, такъ же, какъ и той перемѣной въ политическомъ положеніи Россіи, какая уже съ ней произошла, хотя она и не доведена еще до водворенія у насъ настоящей, подлинной конституціи. Этому не противорѣчитъ то, что у насъ были террористическіе акты и послѣ 1905—1906 гг.; это не значитъ, что ихъ *навѣрное* не будетъ впредь. Такое предсказаніе здѣсь невозможно, ибо самый актъ слишкомъ индивидуаленъ, и политическія покушенія по временамъ происходятъ и на Западѣ. Но терроръ, какъ политическое теченіе, къ сожалѣнію, занявшее у насъ въ Россіи такое прочное мѣсто, терроръ, какъ методъ политической борьбы, опиравшійся на общественную психологію, — такой терроръ умеръ въ Россіи, и, къ счастью, умеръ, какъ мы думаемъ, безвозвратно.

Только это и даетъ намъ надежду на то, что и противница террора — охрана, въ ея нынѣшнемъ чудовищно-ненормальномъ видѣ,—также на пути

къ уничтоженію или, во всякомъ случаѣ, къ сокращенію ея до тѣхъ предѣловъ, какіе она имѣетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ террора, какъ системы. Въ этомъ отношеніи русскому обществу не надо закрывать глаза на дѣйствительность: пока былъ терроръ, должна была быть и охрана, и она не могла не разрастаться до того, чтобы дѣлаться истиннымъ русскимъ правительствомъ. Только уничтоженіе террора можетъ уничтожить нынѣшнюю охрану. Кіевское событіе только потому такъ и дискредитировало охрану, что Богровъ былъ гораздо болѣе несомнѣннымъ охранникомъ, чѣмъ террористомъ. Будь онъ террористомъ и только террористомъ,—его дѣяніе не только не возбудило бы чувствъ общественнаго негодованія противъ охраны, но, наоборотъ, октябристы, устами А. И. Гучкова, навѣрное, требовали бы въ Думѣ усиленія состава, средствъ и полномочій нынѣшней охраны.

Но событія съ ясностью и уже нѣсколько разъ показали, что охрана не только прочно переплелась съ терроромъ, но и идетъ теперь впереди него. Терроръ уже отсталъ отъ охраны, и если еще дѣйствуетъ, то дѣйствуетъ въ лицѣ тѣхъ, которые, какъ Петровъ, какъ Богровъ, были въ то же время самыми довѣренными лицами охраны.

Въ настоящее время много говорятъ о реформѣ охраны и въ то же время сомнѣваются, будетъ-ли такая реформа произведена. Мы не знаемъ, насколько наверху, дѣйствительно, твердо рѣшеніе произвести такую реформу. Но мы твердо убѣждены

въ томъ, что пока существовала система террористической борьбы съ правительствомъ, реформа охраны была невозможна, ибо она фатально превращалась въ то сверхъ-полномочное учрежденіе, которому позволялось дѣлать все, что оно хотѣло, и которое, съ другой стороны, ради корыстныхъ и карьерныхъ цѣлей сближалось съ терроромъ и переплеталось съ нимъ въ одинъ неразрывный клубокъ.

Только при дѣйствительномъ прекращеніи террора могутъ найти свой конецъ нынѣшняя организація и нынѣшняя дѣятельность охраны.

То, что переплелось между собою такъ, что, по выраженію нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знающихъ охрану, нельзя уже сказать, гдѣ кончаемся „мы“ и гдѣ начинаются „они“,—можно выбросить изъ жизни лишь все вмѣстѣ, такъ чтобы не было ни „ихъ“, ни „насъ“.

И это необходимо сдѣлать. И это прежде всего должно сдѣлать само общество, въ своемъ общественномъ мнѣніи.

Надо открыто во всеуслышаніе сказать, что терроръ и охрана причинно между собой связаны, и что нельзя устранить одно зло, не устранивъ другого.

Ни террора, ни нынѣшней охраны: вотъ то слово, которое авторитетно должно быть произнесено самимъ обществомъ и которое должно положить нравственный конецъ той невыносимой язвѣ, которая такъ долго и такъ жестоко разъѣдаетъ нашъ политическій организмъ.

45

Цѣна 30 коп.

ТОГО ЖЕ-АВТОРА:

Къ ученію объ осуществленіи права. 1900. Цѣна 2 р.

Соціологическое изученіе права. 1900. Ц. 15 к.

Складъ въ книжн. маг. Н. К. Мартынова.

Право и экономика. 1906. Ц. 10 к.

Въ книжномъ складѣ „Право“.

Марксизмъ и идеализмъ. Изд. 2-ое. 1905. Ц. 40 к.

Современные вопросы права. 1905. Ц. 40 к.

Можно выписывать отъ автора—2-я Рождественская, 12.

8

Тип. т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая 39.